

Я не люблю своих фильмов, грибов и собак. Я жену люблю

Великий артист, кумир миллионов — многие ли могут быть названы в числе подобных? Но при одном лишь упоминании имени Донатаса БАНИОНИСА на ум приходят именно такие характеристики, к которым можно добавить еще дюжину эпитетов в превосходной степени. Сегодня он наш гость.

— Донатас Юозасович, в свое время ваш отец пытался найти счастье в далекой Бразилии. Вы когда-нибудь хотели покинуть Литву?

— Никогда. Хотя не могу сказать, что я необыкновенный патриот и мне очень важно само понятие "родина". Может быть, если бы я не был так часто за границей, то и думал бы, что там рай. Я исколесил планету вдоль и поперек. В одной Америке побывал 7 раз.

А мой отец был человеком довольно-таки авантюристического склада. В 15 лет из литовской глубинки поехал в Варшаву учиться на портного. В Первую мировую войну был ранен, попал в Смоленск в больницу, там вступил в коммунистическую партию. Он всегда был человеком увлекающимся. А в 1929 году поехал искать счастье в Бразилию. Договорился с мамой, что потом заберет нас к себе. Однако там окончательно запутался в политике, его арестовали, и, отсидев полгода в бразильской тюрьме, он вернулся в Литву.

— Сегодня Россия и Литва — самостоятельные государства, и вы наверняка можете сравнить, как живется людям в этих странах.

— У нас и раньше жизнь отличалась, но теперь я в России жить бы вообще не смог. Она уже безнадежно отстала даже от Литвы в плане цивилизованности. Здесь нет закона и порядка: правила уличного движения не соблюдают, собаки бегают непривязанные, без намордников, улицы грязные... жить для меня здесь стало бы шагом назад.

— Как вы относитесь к обсуждению вопроса об ограничении прав русскоязычного населения в Литве?

— Я категорически не вижу в этом никакой проблемы. Правда, из Литвы уехало много русских. К примеру, в Паневежисе русских сейчас совсем нет. Когда ликвидировали военные объекты, все практически покинули город. Но они и были все приезжими...

— Но их дети родились уже в Литве...

— Они тоже уехали. Хотя в Вильнюсе все еще живет много русских. Что же касается отказа некоторых изучать язык — это неправильно. Я же говорю по-русски. Если человек не хочет учить язык, значит, это его проблема.

— Уровень жизни в Литве высок?

— Мне трудно судить об этом. Я получаю очень хорошую пенсию. А вот не видеть большого числа бедных в стране, конечно же, не могу. Пенсионеры получают слишком мало, чтобы хорошо жить.

Но в политических играх я принципиально не участвую. Порой слушаю одну и другую сторону и вижу, что и те и другие — политиканы. Если вы думаете, что они защищают какую-то часть населения Литвы, то глубоко заблуждаетесь. На самом деле они себя защищают и хотят продвигаться вперед. Все они популисты. Меня не убеждает ни одна, ни другая сторона. А что касается проблем русских, то не знаю, кто это говорит. Наверное, тот, кто хочет большего, чем русским принадлежит в Литве.

— Страны Балтии сейчас очень тесно контактируют. В этих процессах завязан и Петербург. Как

вы относитесь к взаимовлиянию наших культур?

— Недавно у нас появился "Фонд русско-литовской дружбы", а я его председатель и очень рад серьезно возобновлению культурных контактов. В юбилейных мероприятиях, посвященных 300-летию Петербурга, наш фонд принял участие выставками, спектаклями...

— А кино сейчас в Литве снимается?

— Наша киностудия больше простаивает. Причина — отсутствие денег. Когда Советский Союз давал деньги из центра, а фильмы шли по всему Союзу и в соцстранах — это было финансово выгодно. Сейчас вложенные в картину деньги уже не вернутся. Представьте, какой нужен прокат литовской картине, чтобы вернуть миллион долларов?

— Ваш сын — режиссер. Он не хочет снять фильм с вашим участием?

— Деньги дайте, и он снимет. А так что говорить. Сын работает на телевидении, у него там своя передача. В Паневежском театре поставил для меня спектакли...

— Извечная проблема русского актера: когда нет работы, он начинает пить. У литовского актера может быть такая проблема?

— Я знаю, что, бывает, пьют и те, кто очень много работает. Это могут быть очень талантливые люди. Что же касается отсутствия работы... Вот я не работаю и не пью. Это ведь от человека зависит. А среди литовских актеров я что-то не могу найти примера, когда бы человек пил из-за отсутствия ролей.

— Многие ваши роли озвучил Александр Демьяненко. Вам нравится, как он это делал?

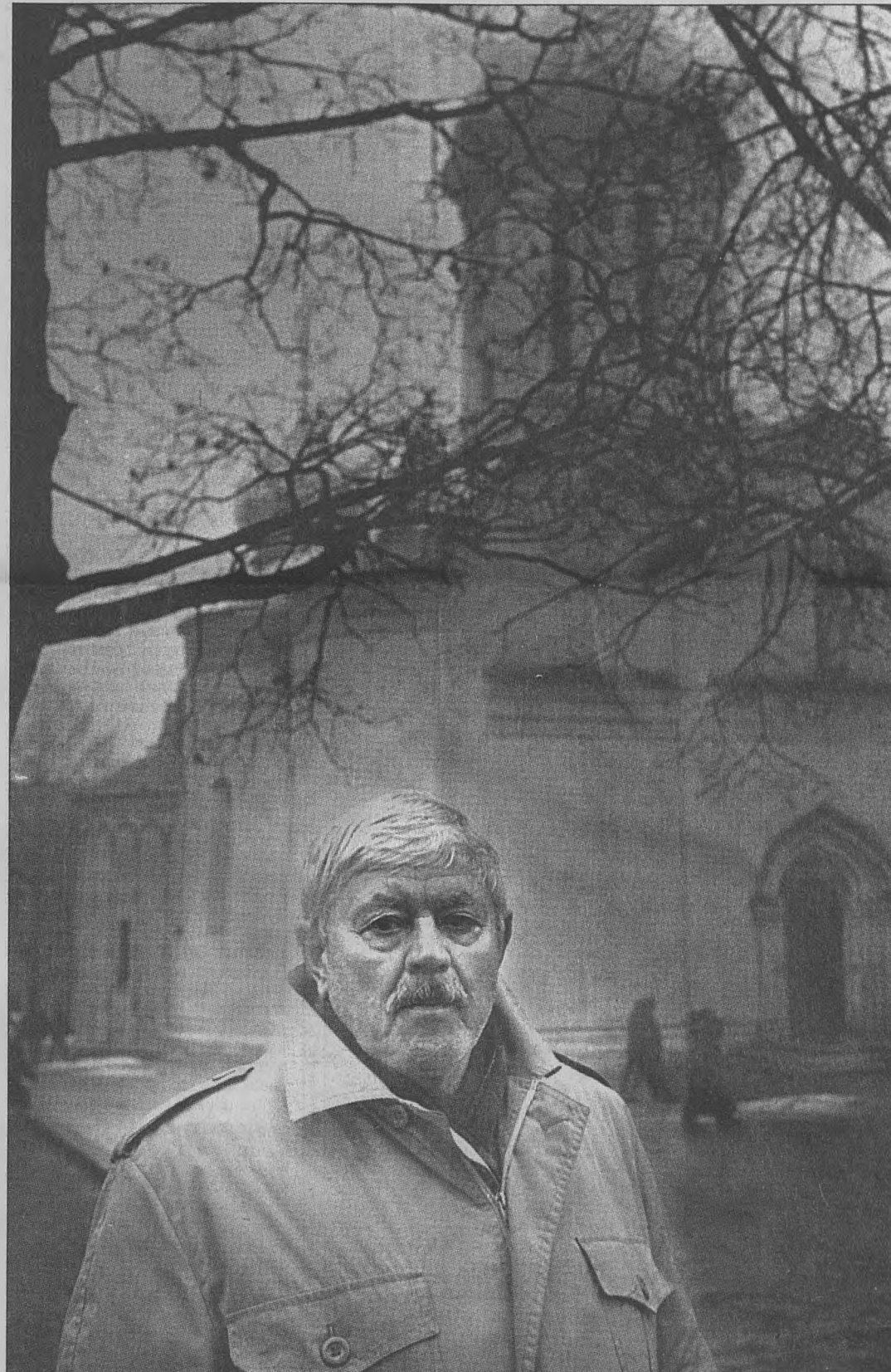
— Очень. Теперь никто это лучше не делает. Когда я увидел первый озвученный им фильм "Никто не хотел умирать", мне показалось, что он даже улучшил мою роль. Но вот у него как раз была проблема выпивки. Помню, один из фильмов он так и не смог озвучить, потому что в это время, мягко говоря, был не в форме.

— "Никто не хотел умирать" — фильм, в котором вас впервые увидела многомиллионная аудитория. Что для вас эта картина?

— Жалаяквичюс снял удивительное кино. Оно и сегодня очень современно. Нашу картину какое-то время не выпускали на экран. Тогда существовало мнение, что противодействие Советской власти в Литве не было. И вдруг фильм рассказывает о сильном сопротивлении, которое принесло серьезные жертвы. Мой герой, как и все другие, не хотел умирать. Все правильно, важно ведь не по какую сторону баррикады ты находишься, главное, что все люди хотят жить и имеют право на это. Будрайтис, Адомайтис, Артмане — все мы были молоды и полны сил. Фильм принес нам известность, вышел за пределы Литовской киностудии.

А вот следующей моей работой стал эпизод в фильме Эльдара Рязанова "Берегись автомобиля!" Боже, как я радовался его приглашению! Хотя и ролюшка-то маленькая (священник, покупающий краденую "Волгу"), зато в партнерстве с Иннокентием Смоктуновским. Я тогда думал, будут смотреть кино и скажут: "А кто это там рядом со Смоктуновским?"

— Сколько ролей в театре и кино вы сыграли?

Д.Баннионис

— Если честно, то я их никогда не считал. Правда, к моему юбилею нашлись люди, которые их посчитали: в театре ролей перевалило за сто, а в кино их около 60.

— Какие свои фильмы вы любите?

— Я не люблю их, как, впрочем, не люблю грибов и собак. Я жену люблю.

— Хорошо. Тогда какие из них выделяете?

— Те, которые были трудными для меня или неожиданными, когда сомневался в успехе, а он пришел. Таким стал "Никто не хотел умирать" — это был мой третий фильм у Жалаквичюса. "Гойя", "Солярис", "Приключения принца Флоризеля"... В "Мертвом сезоне" сначала меня снимали с роли, сказали, что я ника-

кой не советский разведчик: некрасивый, невысокий, не выделяюсь из массы. Но потом восстановили. Меня отстояли Михаил Ромм и непосредственно прототип героя, который тоже был небольшого роста, лысый и совсем не был похож на Кадочникова.

— Но вот сейчас, когда все увидели бывшего разведчика Путина, наверное, сомнений нет, что все сделано в "Мертвом сезоне" верно?

— Я знаю, что он и выбрал профессию именно после просмотра "Мертвого сезона". Мне так говорили компетентные люди. Я был у него в Кремле, и мы перебросились несколькими словами об этом. Когда Савва Кулиш пригласил меня на эту роль, то сказал, что прото-

тип образа, который мне придется создать, — реальный человек. Но не показал его. И вот наступает день, когда мы снимаем знаменитую сцену обмена разведчиками... И я вновь спрашиваю Савву: "Говорят, что он сейчас придет?" — "Да вот он, рядом с тобой стоит!" — ответил Кулиш. Я обернулся и увидел маленького, неказистого человека. Я сказал: "Вы совсем не похожи на разведчика", а он рассмеялся и ответил: "Конечно, если бы я был похож, то грош мне цена". Кстати, этого человека мы нашим фильмом рассекретили, его фамилия стоит в титрах — как консультанта картины.

— В фильме много драк и трюковых сцен. Вы снимались в них без дублеров?

— (Смеется) Да, я всех там раски-

дал. Кто не верит, пусть подойдет ко мне и проверит...

— Вы дружите с российскими актерами?

— Нет, это нельзя назвать дружбой. Но переписываюсь с Эдуардом Марцевичем — он ставил у нас в театре "Дядю Ваню", с Женей Симоновой общаюсь, потому что ее муж Андрей Эшпай — друг моего сына. Но все это эпизодически. Но я обожаю и очень высоко ценю российских актеров.

— Роль Ниро Вульфа, в которой вы недавно снялись, для вас интересна?

— Нет.

— Почему?

— Нет драматургии, нет искусства.

— Почему же тогда вы снимались?

— Не все 65 фильмов, в которых я снялся, меня удовлетворили. Все-то наберется пять-шесть. А с татарским я работал на "Флоризеле", и ему доверяю.

— На ваш взгляд, сегодняшнее российское кино утратило свои позиции?

— Да, как и весь кинематограф. Посмотрите, кому сейчас дают "Оскар". Что, "Титаник" — это фильм?

— Но весь мир рыдал...

— Значит, вкус упал, это уже не Феллини, это уже не Жан Лабен, не Джюльетта Мазина, нет такого уровня кинематографа, и в России тоже.

Сейчас кинематограф — сплошное развлечение, у него нет сильного художественного влияния. Ведь в то время каждый год было несколько выдающихся работ. А сейчас что: "Страна глухих" — фальшивка, особенно меня потряс "Сибирский цирюльник" — это уже да! Достижение российского кинематографа... Что тут говорить! Для кого-то, наверное, это, как и "Титаник", — вершина, я не буду анализировать, но это не мое кино.

Тут мне недавно говорил один молодой человек: "Что там ваш Бах или Моцарт — сидишь, слушаешь. А у нас приходишь на стадион, а там десять тысяч наших ребят, на сцене играют и все десять тысяч кричат, и ты кричишь вместе с ними! Вот это искусство!" То же самое происходит с кино. Деньги диктуют все. А на стадионах и во дворцах спорта собирают эти деньги. Сейчас идет спад культурный. После Чехова, Ибсена, Станиславского спад и в драматургии. Ведь после Шекспира долго не было столь же яркого драматурга, после Софокла две с половиной тысячи лет не было ему равных. Но что делаешь, так есть, так будет. Это закон развития искусства. Сейчас нет личностей в искусстве. Но они должны родиться.

— Вы находите общий язык со своими внуками?

— Мы редко бываем вместе, всем некогда. А мои фильмы внуки, похоже, не смотрят. Когда? Они ведь сидят у компьютера и играют в страшные игры. Это меня поражает. Я был всегда первым учеником. Не мог не учиться. Немецкий, польский, русский знаю хорошо. Если я в школе не первый — ужас. Первый раз получил четверку — плакал. У меня всегда только пятерки были. Но я не столько хотел быть первым, сколько хотел учиться. Вот и на роле играю, а ведь никто не заставлял осваивать музыкальный инструмент. Уже работал в театре, пошел в частную школу и стал учиться. А потом даже сочинял музыку для спектаклей и играл в джазе, зарабатывал деньги на хлеб — это были голодные годы — конец сороковых.

Будучи народным артистом СССР, поступил в консерваторию и

получил высшее образование — красивый диплом режиссера. Мой учитель Мильтинис ведь не давал никакого диплома. В то время я в театре был руководителем, и мне показалось, что плохо не иметь высшего образования.

— У вас есть семейные традиции?

— Главная традиция — собираться всей семьей на ужин перед Рождеством. Стараются приехать все. У нас четверо внуков — три девочки и один мальчик от двух сыновей. Правда, одного сына уже нет в живых... Ужин всегда должен быть вкусным, а потом гуляем по городу. Когда близкие приезжают погостить летом, мы ходим на рыбалку. Я ведь заядлый рыбак.

— А вы помните день своей свадьбы?

— Конечно, разве такое забывается. Шел 49-й год, а значит, стол не был богат на угощения. Все, чем угощали гостей, помогли собрать наши друзья. А дед Оны привез из деревни много пива.

— С женой вы прожили долгую жизнь. Не приходилась ревновать?

— Отвечу анекдотом: "Жена бьет мужа газетой, в которую завернула скалку. Соседи ее укоряют: "Что же ты делаешь?". А она в ответ: "Да я ж только газеткой шлепнула..." Признаться, у нас в доме вся посуда целая, значит, у жены приливов ревности не наблюдалось. Мне повезло с супругой. Я по характеру капризный и неуступчивый, а вот Она всегда умела сгладить все углы. Умение уступать — ее великодушное качество.

Помню, снимался у итальянцев, в перерыве сидели за столом, и зашел разговор, у кого какие семьи. Один говорит: у меня четвертая жена, другой — а у меня пять жен было. Чувствую, приближается моя очередь откровенничать. И с ужасом думаю, что же сказать... Потом решил: скажу правду — единственная. А они в ответ: у нас тоже единственные, но какая же по счету. Отвечаю: первая. Те обалдели, смотрят на меня с недоумением. Вот такой у меня был "позор на международном уровне".

— Какие дни вы можете назвать счастливыми?

— Таких дней в моей жизни было немало. Вот, к примеру, помню, как дрожал и боялся, что меня не переведут во второй класс. И хоть учился хорошо, все равно было страшно. А когда перевели, был по-настоящему счастлив. А когда мне сказали, что я могу начать работать в театре Паневежиса, счастью тоже не было конца. Я ведь всю жизнь мечтал быть артистом, а тут вдруг предложили поступить в лучший в республике театр... Таких примеров множество. Наверное, я вообще счастливый человек.

— С 1941 года вы не покидаете маленький городок Паневежис. Вам нравится этот тихий уголок?

— Давайте представим, как чувствовал себя Робинзон, когда очутился на необитаемом острове? Он ведь устроился там и жил. Вот и мы как Робинзоны, нас выбросила судьба на этот маленький островок. Мой учитель Мильтинис жил в Лондоне, Париже, но судьба привела его в Паневежис, и он начал там создавать произведения искусства, и родился потрясающий театр. Вся жизнь — это цепь случайностей. А мы — лишь ее звенья.

Беседу вела
Ольга ЖУРАВЛЕВА

Фото Любови ВОРОБЬЕВОЙ